

XXIII
Е Ж Е Г О Д Н А Я
БОГОСЛОВСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Москва
Издательство ПСТГУ
2013

УДК 27-1(058)
ББК 86.372я5
Е-36

Главный редактор
Протоиерей Владимир Воробьев

Редколлегия:

К. М. Антонов, С. В. Заплатников, А. А. Кострюков,
В. П. Лега, К. А. Максимович,
И. Е. Мельникова, П. Б. Михайлов, М. А. Скобелев,
С. А. Чурсанов, Н. Ю. Сухова

Е-36 XXIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. — с.

ISBN 978-5-7429-0764-0

XXIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета проходила в две сессии: осеннюю (~~16–22 ноября 2012 г.~~) и зимнюю (~~20–21 и 26 января 2013 г.~~). В конференции приняли участие не только сотрудники ПСТГУ, но и многочисленные гости из России и из-за рубежа.

УДК 27-1(058)
ББК 86.372я5

ISBN 978-5-7429-0764-0

© Оформление. Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013

Никейский собор 325 г. осудил ересь Ария, но не привел к полному разрешению всех богословских противоречий. Сердикский собор 343 г. вместо примирения церковных течений закончился разрывом евхаристического общения между восточными и западными церквами. Аримино-Селевкийский собор 359 г. подтолкнул западный епископат к возвращению на никейские позиции и способствовал дроблению евсевиянского течения на множество церковных партий на Востоке. Восстановление церковного единства в 70–80-е гг. IV в. совершилось без проведения какого-либо большого общецерковного собора. Вселенский собор восточного и западного епископата, являющий собой Кафолическую Церковь во всей ее полноте, остался недостижимым идеалом, мечтой, которая не будет реализована никогда в истории. И неудавшиеся попытки проведения такого рода собора в IV в. показывают проблематичность данного способа решения общецерковных вопросов, поскольку большой собор только тогда может выступать как единый и стройный хор отцов, когда консенсус уже заранее достигнут. Большие же собрания разномыслящих епископов приводят лишь к углублению церковных разделений.

*О. В. Ауров
(РГГУ)*

«НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К ПОМАЗАННЫМ МОИМ...» (ПС 105. 15): СТАТУС КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ТОЛЕДСКИХ СОБОРОВ VI–VII ВЕКОВ

В докладе рассматривается комплекс проблем, связанных с ролью общегосударственных Толедских соборов конца VI–VII вв. в процессе эволюции статуса королевской власти в Толедском королевстве вестготов. Это раннее государство, история которого завершилась мусульманским завоеванием Пиренейского полуострова в 711–713 гг., являлось преемником Тулузского королевства вестготов (418–506/507) — первого из романо-варварских королевств, возникших на территории Западной Римской империи. После страшного поражения, нанесенного им франками при Пуатье (Вауйе) (506/507), вестготы были вынуждены оставить значительную часть юго-западной Галлии (включая Тулузу). С этого времени их история тесно связана с Испанией, где около 567 г. официальной резиденцией королей стал город Толедо, расположенный в географическом центре полуострова.

Хронологические рамки доклада мотивируются тем, что на конец VI в. приходится обращение Реккареда Католика (586–601) и решения III Толедского собора (589 г.), ознаменовавшие отказ от арианства и принятие ортодоксального христианства в качестве государственной религии. Этот важнейший акт стал результатом сложных социально-политических процессов, связанных с эволюцией сознания варварской знати, усвоением ее представителями основополагающих принципов позднеримской социальной и культурной традиции. В конце VI–VII вв. этот процесс не только активизировался, но и приобрел новое качество.

Цель доклада заключается в том, чтобы определить место общегосударственных Толедских соборов и их постановлений в системе факторов, определивших эволюцию статуса королевской власти у вестготов в конце VI — начале VII века. К началу означенного периода этот статус уже претерпел значительную эволюцию, решающий этап которой пришелся на правление последнего короля-арианина Леовигильда (568–586). К этому времени королевская власть у вестготов — в том виде, в каком она существовала в V–VI вв., — утратила значительную часть прежней социальной опоры. Получившая крупные земельные владения и широкий круг властных полномочий на локальном уровне, варварская знать утратила заинтересованность в поддержке правителей. Ситуация еще более усугубилась пресечением правящей династии Балтов (531 г.), что обусловило всплеск междоусобиц и узурпаций.

Естественным следствием этой ситуации стал союз королевской власти с испано-римским епископатом, костяк которого составили представители позднеримских сенаторских фамилий, обладавших значительным авторитетом на местах, а часто — де-факто контролировавших систему муниципального управления в тех городах, где располагались их кафедры. Потребность в таком союзе предопределила не только отказ от арианства, но и привлечение епископов к принятию важнейших политических решений, следствием чего, в свою очередь, явилось постепенное формирование своеобразной «симфонии» в отношениях между королями и епископами. Ее логическим развитием стало повышение роли соборов, с конца VI в. превратившихся в центр не только церковной, но и политической жизни Толедского королевства.

Эта новая функция института соборов проявилась уже в появлении их нового типа — соборов общегосударственных (ранее на Западе практиковались лишь соборы провинциального уровня): за период конца VI—VII вв. произошло 12 общегосударственных Толедских соборов — III (589 г.), IV (633 г.), V (636 г.), VI (638 г.), VII (646 г.), VIII (653 г.), X (656 г.), XII (681 г.), XIII (683 г.), XV (688 г.), XVI (693 г.) и XVII (694 г.) (остальные Толедские соборы носили характер провинциальных). Начало этой традиции положил III Толедский собор (589 г.), декларировавший себя «второй Никеей», нанесшей окончательное поражение ереси Ария, и в какой-то мере соотносивший свой статус со статусом I Вселенского собора 325 года.

Важно и тот факт, что (по аналогии с председательствовавшим на этом соборе Константином Великим) вестготские короли также начали играть все более активную роль в процессе подготовки и проведения соборов, хотя так и не выступили в роли их председателей. Именно короли задавали повестку дня собора, направляя собравшимся составившийся при их участии «*tomus regius*» — проект соборных постановлений, обсуждение которого являлось основной задачей собора (сохранились «*tomus*» III (589 г.), VIII (653 г.), XII (681 г.), XIII (683 г.), XIV (684 г.), XV (688 г.), XVI (693 г.) и XVII (694 г.) толедских соборов). По завершении же собора король особым законом (т. н. «*lex in confirmatione concilii*») придавал его постановлениям статус королевского права, что делало обязательным их использование в королевских судах (сохранились такие законы, изданные в подтверждение постановлений III (589 г.), V (636 г.), XII (681 г.), XIII (683 г.), XV (688 г.), XVI (693 г.) и XVII (694 г.) Толедских соборов, хотя очевидно, что изначально их было больше).

Весьма показательным представляется также факт издания королями на соборах других важных законов. Хорошо известно, что такие законы издавались королями Гундемаром (610–612) (см. в постановлениях XII Толедского собора (681 г.)), Рецесвинтом (649–672), провозгласившим свою кодификацию королевских законов (*Liber Iudiciorum*) на VIII Толедском соборе (653 г.), Эрвигием (680–687) на XIII Толедском соборе (683 г.), и этот перечень явно неполон. Очевидно, что моделью для такого поведения короля являлась политическая практика провозглашения императорами важнейших законов в римском сенате; и действительно и в процедуре проведения собора, и в оформлении соборных постановлений можно увидеть явные параллели между этими двумя институтами. Следует особо подчеркнуть, что эта позднеримская практика и в исследуемый период в той или иной степени еще сохранялась в Византийской империи, а Леандр Севильский (старший брат Исидора Севильского), находившийся в Константинополе в 580-х гг., мог столкнуться с ней непосредственно.

Разумеется, это не означает, что регламент проведения соборов просто копировал римские прототипы. В VII в., при сохранении верности общим принципам исходной модели, соответствующие процедуры претерпели уже весьма значительные изменения. Оформление соборного регламента, вобравшего в себя специфически-испанский опыт соборности, связывается с именем Исидора Севильского (ок. 570–636), председательствовавшего на IV Толедском соборе (633 г.) (cap. 4); позднее этот регламент был дополнен на XVII Толедском соборе (694 г.) (cap. 1). Собор должен был открываться через час после восхода солнца. Местом заседаний являлась одна из трех толедских базилик — свв. Петра и Павла (наиболее распространенный вариант; показательны, что именно в этом храме совершались важнейшие публичные акты, происходившие с участием короля; здесь хранились знамена и крест с частицей Животворящего Креста, который везли перед королевским войском при выступлении в поход), св. Леокадии или св. Марии (в ряде случаев, указание места собрания в источниках отсутствует).

Участники собора рассаживались полукругом от алтаря. При этом первыми входили и занимали наиболее почетные места епископы, далее — аббаты и пресвитеры (как правило, представлявшие отсутствующих епископов своих общин), далее — диаконы, затем — миряне (в те дни, которые были для них выделены) и, наконец, писцы для записи и оформления текста соборных постановлений. Заседание открывалось общей молитвой по призыву архидиакона, которая совершалась на коленях. Далее облаченный в белые одежды диакон зачитывал проект постановлений — *tomus regius*. Затем по старшинству предлагались поправки к ним, которые (в случае одобрения) вносились в текст. Первые три дня обсуждались лишь чисто церковные дела, что обязательно происходило в отсутствие мирян. В последний день собора обнародовался королевский «*lex in confirmatione concilii*».

При этом решающая роль собора (и Церкви в целом, в более общем смысле) в процессе формирования концепции королевской власти выглядит естественной и оправданной. Дело в том, что ни в вестготском королевском, ни (что более важно) позднеримском императорском законодательстве (отраженном в Кодексе Феодосия II и сборниках новелл императоров V в.) не встречается норм, специально регламентировавших статус правителя, святость и неприкосновенность его персоны, связанные с ним ритуалы и т. п. Следовательно, все эти нормы, составлявшие, используя образ Э. Канторовича, «второе (сакральное) тело» правителя и игравшие решающую роль в формировании образа легитимной

власти в сознании как политической и военной элиты, так и населения, *не должны* были исходить от самого правителя, будь то позднеримский император или «король готов».

Данные целого комплекса источников, как письменных, так и визуальных, свидетельствуют о том, что еще в дохристианские времена функция формирования и воспроизводства массового политического сознания, и прежде всего — представлений о легитимной власти, рассматривалась как сугубо религиозная, входившая в сферу обязанностей жречества. В христианское время соответствующие функции естественным образом перешли к епископату, который на рубеже Античности и Средневековья внес решающий вклад в складывание новых — христианских — представлений о легитимности власти. Поэтому вполне закономерно, что именно в канонах церковных соборов (в первую очередь — Толедских общегосударственных), а не в кодификации королевского права (*Liber Iudiciorum*) встречаются нормы, касающиеся «второго тела» правителей Толедского королевства.

Важно подчеркнуть, что, формулируя соответствующие нормы, отцы Толедских соборов фактически двигались по целине, поскольку прецедентов «полноценной» государственности на пространстве бывшей Западной Римской империи еще не сложилось. Дело в том, что изначально правители романоварварских королевств воспринимали себя (и воспринимались как романским населением, так и императорами Константинополя) скорее как удачливые узурпаторы, успешно воспользовавшиеся вакуумом власти в западных провинциях, возникшим к середине V в., чем как законные монархи в собственном смысле слова. Понадобились многие десятилетия (а порой — и целые столетия) напряженной культурной работы, прежде чем королевская власть варварского Запада стала восприниматься как легитимный институт, сопоставимый в этом смысле с властью императоров Востока.

Есть все основания утверждать, что впервые это явление в своих зрелых формах проявилось именно в Толедском королевстве VII века. В совокупности, содержание отдельных соборных постановлений, касавшихся статуса короля, членов его семьи и непосредственного окружения (от знати до зависимых людей), складывается в целостную концепцию, аналогов которой варварский Запад VII в. еще не знал. Выделим лишь наиболее значимые элементы этой концепции:

- Критерии отбора претендентов на королевский престол (V. 3; VI. 17; VIII. 10; VIII. 12) и регламентация процедуры избрания монарха (IV. 75; VI. 3; VIII. 10; XII. 1); именно детально разработанная процедура выборов позволяла четко отделить законного правителя от узурпатора даже в условиях отсутствия правящей династии.
- Разработка и тщательная регламентация акта вступления короля на престол — от помазания (IV. 75) до принесения взаимных клятв верности королем и «народом» (V. 2; VII. 1; VIII. 2; XV; XVI. 10), закреплявшая легитимный статус избранного правителя; среди других королевских ритуалов следует особенно выделить те, которые были связаны со смертью короля (включая обязательный предсмертный постриг) (XII. 1–2).
- Нормы, регламентировавшие защиту жизни и престола короля от посягательств; осуждение узурпаций («тирании») (IV. 75; V. 4; VI. 17; VI. 18; VII. 1; X. 2) (и в то же время — меры, ограничивавшие королевский произвол при наказании мятежников — VIII. 2 (Recs.); XIII. 1; XIII. 2).
- Особые меры по защите чести и достоинства короля (V. 5; VII. 1).
- Формирование облика идеального короля (IV. 75; VIII. 10) (в том числе — как милостивого судьи, имеющего право прощать осужденных (IV. 75; V. 8; VII. 1; X. 2; XII. 3; XII. 10); естественным образом они дополнялись нормами, ограничивающими королевский произвол, в частности вводя запрет создавать новые епископские кафедры по своему желанию (XII. 4).

Действуя в этом направлении, отцы соборов, разумеется, ориентировались на государственный опыт Поздней Римской империи и модель власти императоров Византии. Однако в ряде случаев сформулированные ими нормы отличаются высокой степенью оригинальности. В частности, именно в Толедском королевстве впервые было не только провозглашено, но и проведено на законодательном уровне четкое разделение между личным имуществом короля и имуществом государственным, переданным в его распоряжение (VIII. 10). В той же мере, именно в канонах Толедских соборов были впервые зафиксированы особые статусы жены (вдовы) короля (XIII. 4; XIII. 5; XVI. 8; XVII. 7) и его потомства (V. 2; XIII. 4 (=XVI. 8); XV; XVII. 7) — нормы, не имевшие параллелей в политической и правовой практике римского времени.

Содержащиеся в постановлениях Толедских соборов важные политико-правовые новации сыграли колоссальную роль в дальнейшей политической истории Средневекового Запада, прежде всего отразившись в политической и правовой практике Империи Каролингов. Однако этот сюжет выходит далеко за рамки заявленной темы доклада.

Основные источники и литература

Источники

- Concilios visigóticos e hispano-romanos / Ed. por J. Vives. Barcelona, Madrid, 1963.
- Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano / Ed. W. Levison // MGH: SRM. Hannoverae et Lipsiae, 1910. T. 5. P. 500–535. (Русский перевод: История короля Вамбы / Перевод И. М. Никольского; вст. ст. и комм. О. В. Аурова // Centaurus / Кентавр. Studia classica et mediaevalia. Вып. 3. М.: РГГУ, 2006.)
- La colección canónica Hispana / Ed. por G. Martínez Díez, F. Rodríguez. Vol. 4: Concilios galos. Concilios hispanos: primera parte. Roma; Madrid, 1984.
- La colección canónica Hispana / Ed. por G. Martínez Díez, F. Rodríguez. Vol. 5: Concilios hispanos: segunda parte. Roma; Madrid, 1992.
- La colección canónica Hispana / Ed. por G. Martínez Díez, F. Rodríguez. Vol. 6: Concilios hispanos: tercera parte. Roma; Madrid, 2002.
- Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle / Ed. par D. M. Ferontin. P., 1904 (Monumenta Ecclesiae Liturgica, V).
- Liber Iudiciorum // Lex Visigothorum / Ed. K. Zeumer // MGH: Legum sectio, I. Berolini, 1902. (Русский перевод: Вестготская правда. (Книга приговоров). Lex Visigothorum (Liber Iudiciorum). М., 2012.)
- Theodosiani libri XVI cum Constitutionibus Sirmodianianis et Leges Novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. Vol. 2. Berolini, 1905.

Литература

- Ауров О. В. «*Gladio vindice Leuuigildi*»: Король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. Всеобщая история». 2010. №18(61)/10. С. 33–51.
- Ауров О. В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Вып. 31. С. 73–103.
- Ауров О. В. Культура Вестготского королевства // Centaurus / Кентавр. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008. С. 279–316.
- Ауров О. В. О римских истоках идеала короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. // Centaurus / Кентавр. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4. М.: РГГУ, 2008. С. 86–115.
- Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.
- Aurov O. Artifex legum: Ideal del rey-legislador en la España Visigoda a mediados del siglo VII // E-Legal History. 2006. 6// www.iustel.com
- Barbero de Aguilera A. El pensamiento político visigodo y las primeras unciones regias en la Europa medieval // Barbero de Aguilera A. La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid, 1992. P. 1–77.
- Collins R. Visigothic Spain, 409–711. Malden (MA), Oxford, Carlton, 2004.
- Dahn F. Die Könige der Germanen. Bd. 1–11. Leipzig, 1866–1911.
- Gallego-Blanco E. Los concilios de Toledo y la sucesion al trono visigodo // Anuario de historia del derecho español. 1974. T. 44. P. 723–739;
- García Moreno L. A. Historia de Espana visigoda. Madrid, 1989.
- Historia de la Iglesia en Espana / Dir. por R. García Villoslada. T. I: La Iglesia en la España romana y visigoda (siglos I–VIII). Madrid, 1979.
- Iglesia Ferreiros A. Notas en torno a la sucesion al trono en el reino visigodo // AHDE. T. 40. 1970. P. 653–682.
- King P. D. Law and Society in the Visigothic Kingdom. Cambridge, 1972.
- Orlandis J. El canon 2 del XIII Concilio de Toledo en su contexto historico // Anuario de historia del derecho español. 1997. T. 67. P. 1603–1607.
- Orlandis J. El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda // Estudios visigóticos, III. Roma; Madrid, 1962.
- Orlandis J. El rey visigodo católico // De la Antigüedad al Medievo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 53–64.
- Orlandis J. En torno a la noción visigoda de tiranía // Anuario de historia del derecho español. 1959. T. 29. P. 5–43.
- Orlandis J. La problematica conciliar en el reino visigodo de Toledo // Ibid. 1978. T. 48. P. 277–306.
- Orlandis J. La reina en la monarquía visigoda // Ibid. 1957–1958. T. 27–28. P. 109–135.
- Orlandis J. Los laicos en los concilios visigodos // Ibid. 1980. T. 50. P. 177–187.
- Orlandis J. Sobre el origen de la «Lex in confirmatione concilii» // Ibid. 1971. T. 41. P. 113–126.
- Orlandis J., Ramos-Lissón D. Historia de los concilios de la España romana y visigoda. Pamplona, 1986.
- Orlandis J. El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda. Roma; Madrid, 1962 (Estudios visigóticos. T. 3).
- Reydellet M. La conception du souverain chez Isidore de Séville // Isidoriana. Coleccion de estudios sobre Isidoro de Sevilla, publicados con ocasion del XIV Centenario de su nacimiento / Ed. por M. Diaz y Diaz. León, 1961. P. 457–466.
- Romero J. L. San Isidoro de Sevilla. Su pensamiento historico-politico y sus relaciones con la historia visigoda // Cuadernos de historia de España. 1947. № 8. P. 5–71.
- Sánchez Alborno C. La «Ordinatio principis» en la España Goda y post-visigoda // Estudios sobre la instituciones medievales españolas. P. 705–737.
- Thompson E. A. The Goths in Spain. Oxford, 1969.